

Л.Ю.Большухин, М.А.Александрова

«Я» И МИР В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ МАЯКОВСКОГО: «А ВЫ МОГЛИ БЫ?»

Поставлена проблема своеобразия первых жестов творческого самоутверждения Маяковского. В самых ранних его стихах ещё нет столь характерного для поэта великого «Я», источника творческой воли. В рубежном тексте «А вы могли бы?» развертывание образа, демонстрирующее пересоздание мира, одновременно моделирует саму позицию «Я» в мире.

Ключевые слова: Маяковский, «Я», диалог, метаморфоза

Н.Л.Лейдерман истолковал ранние тексты Маяковского («Ночь», «Утро», «Порт», «Уличное», «Из улицы в улицу») как цикл, охватывающий сутки: «Образ суточного круговорота — концентрированное воплощение бытийного цикла» [1, с. 9]. Нам представляется особенно важным, что бытие здесь совершает свой круг без лирического героя; нет столь характерного для поэта великого «Я», осознающего себя центром мира, источником творческой воли к его преображению. В контексте творческого пути Маяковского этот цикл может быть определен как *догероический*. Только в финале «Ночи» лирический субъект заявляет о себе, но и эта активность — всего лишь ответная, спровоцированная толпой:

Я, чувствуя платья зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул... [2, с. 33]

Едва обозначенное, еще «безголосое», проявляющее себя только мимически, «Я» тут же оказывается растворено в ночном клубящемся мире — вместе со своей *улыбкой*. Улыбка в данном случае — спонтанная и «досознательная» реакция «Я» на мир, сопровождающая первоначальное взглядывание, обнаружение и распознавание свойств окружающего.

Текст рубежный, где состоялось явление героя, — «А вы могли бы?» (1913):

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб? [2, с. 40]

Многие исследовательские концепции восходят к общему тезису Н.И.Харджиева: «Это первое декларативное стихотворение Маяковского, где он утверждает право поэзии преображать будничную действительность» [3, с. 195]. З.С.Паперный интерпретировал «А вы могли бы?» в свете романтической традиции — конечно, с учетом её смелого обновления у Маяковского: «Здесь уже намечено то чисто маяковское “двоемирие”, которое пройдет сквозь всё творчество поэта предреволюционных лет: на мир, как он есть, будничный, привычный и нестерпимый в своей жуткой “обрыдлости”, надвигается другой, огромный, туманный, но неизбежный. Его представителем ощущает себя поэт»; это «зыбкий, причудливый мир сознания поэта, его чувств и ощущений, непонятный людям. Он-то и есть “единственный человеческий” мир» [4, с. 279, 280]. Напротив, Ю.М.Лотман подчеркивал, что ранний Маяковский находит «поэтические значения не вне, а в толще бытовых значений» [5, с. 93-94]. Очевидно, что З.С.Паперный спроецировал на раннее высказывание позднейшие выпады Маяковского против «буржуазного» / «мещанского» быта, в то время как текст фиксирует совсем иное восприятие жизни, характерное для момента рождения Я, то есть осознания в себе творческой силы. Н.Л.Лейдерман показал, что романтический вызов Маяковского заключался не в отрицании будничной повседневности, а в демонстрации её преображения творческой волей: чем «прозаичнее» реалии быта, тем чудеснее результаты поэтического воздействия на мир [1, с. 7].

В.Н.Топоров воспринял этюд Н.И.Харджиева как образец идеального совпадения логики анализа и логики поэтического образа; интерпретируя сразу два объекта (стихотворение и его классическое прочтение), В.Н.Топоров в своём насыщенном метафорами тексте фактически описал принципы романтической или символистской поэтики; показательно также, что установление связей «А вы могли бы?» с его ближайшим литературным окружением отчасти заместило анализ самого стихотворения [6, с. 380-424]. Для М.Вайскопфа первостепенным является демиургический смысл стихотворения, восходящий к архаическим (ветхозаветным) моделям первотворения; при всей точности ряда наблюдений, подсказанных мифопоэтической логикой,

возражение вызывает общая установка исследователя на упрощение лирического героя Маяковского в духе «вульгаризированной версии» нищезанского и символистского разрушителя-творца [7, с. 73].

Во всех рассмотренных случаях недооцененным, с нашей точки зрения, является следующий аспект поэтики «рубленного» текста: развертывание образа, демонстрирующее пересоздание мира, одновременно моделирует саму позицию «Я» в мире; лирический герой Маяковского в момент его фактического рождения вступает в напряженный диалог с творимой заново реальностью, что не имеет аналогий ни в отдаленной, ни в ближайшей литературно-философской традиции.

Действие «А вы могли бы?» происходит внутри кафе или дешевого ресторана — «под небом харчевен», как будет сказано в ближайшем по времени стихотворении «Вывескам». *Карта будня* — это буквальный перевод *Carte du jour*, т.е. карта блюд и вин, меню [7, с. 72; 8, с. 54-55], первое, что попадает в поле зрения человека, усевшегося за столик. Взгляд «Я» движется, вернее, перебрасывается от одного предмета к другому, от ближайшего к дальнему, что дает быстрое изменение угла зрения и охвата видимой части мира: от поверхности стола к законному пространству (жестяная вывеска-рыба, вероятно, увидена на гастрономическом заведении, расположенном по другой стороне улицы); водосточные трубы, возможно, не видны, а слышны, если льет дождь, как это происходит во многих урбанистических стихотворениях Маяковского: вечер, загоняющий поэтов города «под крыши харчевен», «хмур и плачевен» («Вывескам»). Динамический принцип композиции служит тому, чтобы привычное для глаза и слуха предстало в его собственной готовности измениться. Потенциальная активность вещей реализуется благодаря художественной смелости ассоциаций, размаху фантазии: поверхность студня действительно напоминает морскую рябь; стилизованная рыба и своим контуром, и каждой чешуйкой похожа на губы; наконец, многозначность слова «трубы» и коленчатая форма труб водосточных подсказывают образ флейты.

Характерно, что процесс преобразования обыденного мира начинается с неловкого, случайного жеста, который угадывается за первой декларацией «Я»: на *карту будня* пролито вино, вероятнее всего, красное вино, ставшее для поэта-художника *краской из стакана*. Неуклюжесть героя вскоре будет декларироваться: «...такой большой // и такой ненужный» [2, с. 127] («Себе, любимому, посвящает эти строки автор»); в «Последней петербургской сказке» (1916) с той же неловкостью входит в ресторанный пространственный двойник лирического героя, и тоже склоняется над картой вин:

Император,
лошадь и змей
неловко
по карточке
спросили гренадин [2, с. 128-129].

Но пока своя неуклюжесть / неуместность поэтом еще не осознана, оставлена «за текстом»; всё внимание приковано к удивительным возможностям творческого контакта «Я» с миром.

Эта сосредоточенность определяет и характер диалога, без которого невозможно самоопределение «Я». Взятое «само по себе» заглавие «А вы могли бы?» позволяет считать — по традиции — адресатом обращения условного читателя в диапазоне от «обывателя», лишённого воображения («Заключительное двустипное стихотворение — уже прообраз “Нате!”, брошенного в лицо самодовольного мещанина. <...> Для тех, к кому обращается поэт, “косые скулы океана” на блюде студня — абсурд» [9, с. 173]), до соперников-поэтов.

Но творческие жесты, пробуждающие «активность» вещей, к ним же в итоге и обращены: «А вы <...> могли бы...». Еще до этого финального вызова лирический герой не только всматривается в происходящее («я прочел...»), но и демонстрирует его кому-то, кто вместе с ним пребывает в изображаемом / преображаемом пространстве: «Я показал...» Поскольку о спутниках, разделяющих с ним застолье, поэт умалчивает, в роли зрителей происходящего выступают всё те же объекты его творческого воздействия.

Итак, «Я» непосредственно, ощутимо связано с пересоздаваемой им реальностью, где вещи, имевшие разную природу, абсолютно не связанные друг с другом, получают единство. Это единство лица; трансформация деталей реальности имеет общий целенаправленный вектор, который получил ясность во второй редакции текста, отличающейся порядком строк от публикации в «Требнике троих» [10, с. 128]. Сравнение «блюда студня» с поверхностью океана, а контура «жестяной рыбы» с губами — лишь первый импульс к преобразению. У океана появляются «косые скулы», создающие впечатление энергии и упрямства только что обретенного партнера «Я» по диалогу; «новорожденный мир тянется к своему создателю “зовом новых губ”» [7, с. 75]. М.Вайскопф, кратко отметивший, что в «контурах “скул” и “губ” проступает лицо вселенной» [7, с. 75], оставил свое наблюдение неразвитым. Важно, что «лицо вселенной» в «А вы могли бы?» предстает недовоплощенным, гротескным, ибо «косые скулы океана» только намекают на глаза — главный признак одухотворенности; активность же связана с губами, которые в творчестве Маяковского имеют амбивалентный характер.

Губы — средоточие любви: «сплошные губы» героя «Облака в штанах» предвещают «сплошное сердце» героя «Люблю». Обещание чудесного — христианского — преобразования людей в прологе к трагедии «Владимир Маяковский» начинается с губ:

Я вам только головы пальцем трону,
и у вас
вырастут губы
для огромных поцелуев
и язык,
родной всем народам [2, с. 154].

Герой трагедии всюду ищет

...невиданную душу,
чтобы в губы-раны
положить ее целующие цветы [2, с. 159].

Но губы знаменуют также примитивный, грубый эротизм, неотделимый от урбанистического и технократического мира раннего Маяковского:

...в будуарах женщины
— фабрики без дыма и труб —
миллионами выделявали поцелуи,
всякие,
большие,
маленькие, —
мясистыми рычагами шлепающих губ [2, с. 169].

Вместо того, чтобы говорить «языком, родным всем народам», губы обитателей «города-лепрозория» извергают насмешки и плевки на нового пророка, орут «идемте жрать». «Во рту» города

...умерших слов разлагаются трупки,
только два живут, жирея —
«сволочь»
и еще какое-то,
кажется — «борщ» [2, с. 182].

Амбивалентность образа-мотива губ / рта реализуется в текстах, написанных после «рубежного» стихотворения, однако сам лирический финал «А вы могли бы?» эту перспективу уже открывает. Именно гротескному — скуластому и безглазому — лицу с зовущими губами, самим этим губам адресован вопрос-вызов:

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб? [2, с. 40]

Преодоление стихии эротизма, насилия, осмеяния — всё это совершится, когда «губы мира» заиграют на трубах-флейтах.

Лирический герой, осознавший себя как поэта, хочет наделить мир собственным творческим даром. В трагедии «Владимир Маяковский» будет сказано:

Я — поэт,
я разницу стер
между лицами своих и чужих [2, с. 159].

Всматриваясь в «чужое лицо» вселенной, «Я» уповает на обретение родства с ней в акте творчества. «Прочитывание» реалий окружающего мира сопровождается разъятием целого и перекомпоновкой его элементов. Этот процесс не завершен поэтом, поскольку в своём рубежном состоянии он ещё не разделяет способность «видения» и «делания», что не позволяет творцу ощутить полную власть над ситуацией; рождающееся в момент творческого контакта с миром нечто оказывается для поэта непредсказуемым. И лишь способность этого нового «лица» проявить свою творческую сущность, «сыграть ноктюрн», обещает желанную гармонию.

-
1. Лейдерман Н.Л. Логика Бунта: к характеристике художественной системы раннего Маяковского // Проблемы взаимодействия метода, стиля и жанра в советской литературе. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. С. 3-17.
 2. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1955. 464 с.
 3. Харджиев Н., Тренин В. Поэтическая культура Маяковского. М.: Искусство, 1970. 328 с.
 4. Паперный З.С. Будетляне // Паперный З.С. Единое слово. Статьи и воспоминания. М.: Совет. писатель, 1983. С. 258-295.

5. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПБ, 1996. С. 18-252.
6. Топоров В.Н. Флейта водосточных труб и флейта-позвоночник // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И.Харджиева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 380-424.
7. Вайскопф М. Во весь Логос. Религия Маяковского. М.; Иерусалим: Саламандра, 1997. 175 с.
8. Лекманов О.А. «Карта будня» // Русская речь. 2001. № 5. С. 54-55.
9. Альфонсов В.Н. Нам слово нужно для жизни. В поэтическом мире Маяковского. Л.: Совет. писатель, 1983. 248 с.
10. Поэзия русского футуризма. СПб.: Академ. проект, 1999. 750 с.

References

1. Leyderman N.L. Logika Bunta: k kharakteristike khudozhestvennoy sistemy rannego Mayakovskogo [Logic of Riot: to the characteristics of the early Mayakovsky's artistic system]. Problemy vzaimodeystviya metoda, stilya i zhanra v sovetskoy literature. Sverdlovsk, 1990, pp. 3-17.
2. Mayakovskiy V.V. Complete works in 13 vols, vol. 1. Moscow, 1955. 464 p.
3. Khardzhiev N., Trenin V. Poeticheskaya kul'tura Mayakovskogo [Poetic culture of Mayakovsky]. Moscow, 1970. 328 p.
4. Papernyy Z.S. Budetlyane [Budetlyans]. Papernyy Z.S. Edinoe slovo. Stat'i i vospominaniya. Moscow, 1983, pp. 258-295.
5. Lotman Yu.M. Analiz poeticheskogo teksta [Analysis of the poetic text]. Loman Yu.M. O pochtakh i poehzii. Saint Petersburg, 1996, pp. 18-252.
6. Toporov V.N. Fleyta vodostochnykh trub i fleyta-pozvonochnik [Flute of drainpipes and flute-spine]. Poehziya i zhivopis': Sb. trudov pamyati N.I.Khardzhieva. Moscow, 2000, pp. 380-424.
7. Vayskopf M. Vo ves' Logos. Religiya Mayakovskogo [At the top of one's logos. Mayakovsky's religion]. Moscow; Ierusalim, 1997. 175 p.
8. Lekmanov O.A. "Karta budnya" [The weekday map]. Russkaya rech', 2001, no. 5, pp. 54-55.
9. Al'fonsov V.N. Nam slovo nuzhno dlya zhizni. V poeticheskom mire Mayakovskogo [We need a word to live. In the poetic world of Mayakovsky]. Leningrad, 1983. 248 p.
10. Poehziya russkogo futurizma [Poetry of Russian futurism]. Saint Petersburg, 1999. 750 p.

Bol'shukhin L.Yu., Aleksandrova M.A. "I" and the world in Mayakovsky's early works: "A vy mogli by?" The article raises the problem of the Mayakovsky's gestures of self-assertion. In the earliest his poems there is no Grand "I", so characteristic for the poet and representing the main source of creative will. In the text representing the turning point in Mayakovsky's creative activity — "A vy mogli by?" — development of the image, which demonstrates regeneration of the world, simultaneously models the very position of "I".

Keywords: Mayakovsky, "I", dialogue, metamorphosis.

Сведения об авторах. Л.Ю.Большухин — старший преподаватель Департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал, lbolshukhin@mail.ru; М.А.Александрова — доцент кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет, nam-s-toboi@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.